

Хан и его сын. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Хан и его сын. Максим Горький

«Был в Крыму хан Мосолайма эль Асваб, и был у него сын Толайк Алгалла...»

Прислонясь спиной к ярко-коричневому стволу арбуза, слепой нищий, татарин, начал этими словами одну из старых легенд полуострова, богатого воспоминаниями, а вокруг рассказчика, на камнях-обломках разрушенного временем ханского дворца – сидела группа татар в ярких халатах, в тюбетейках, шитых золотом. Вечер был, солнце тихо опускалось в море; его красные лучи пронизывали тёмную массу зелени вокруг развалин, яркими пятнами ложились на камни, поросшие мохом, опутанные цепкой зеленью плюща. Ветер шумел в купе старых чинар, листья их так шелестели, точно в воздухе струились невидимые глазом ручьи воды.

Голос слепого нищего был слаб и дрожал, а каменное лицо его не отражало в своих морщинах ничего, кроме покоя; заученные слова лились одно за другим, и пред слушателями вставала картина прошлых, богатых силой чувства, дней.

«Хан был стар, – говорил слепой, – но женщин в гареме было много у него. И они любили старика, потому что в нём было ещё довольно силы и огня и ласки его нежили и жгли, а женщины всегда будут любить того, кто умеет сильно ласкать, хотя бы и был он сед, хотя бы и в морщинах было лицо его – в силе красота, а не в нежной коже и румянце щёк.

Хана все любили, а он любил одну казачку-полонянку из днепровских степей и всегда ласкал её охотнее, чем других женщин гарема, где было триста жён из разных земель, и все они красивы, как весенние цветы, и всем им жилось хорошо. Много вкусных и сладких яств велел готовить для них хан и позволял им всегда, когда они захотят, танцевать, играть...

А казачку он часто звал к себе в башню, из которой видно было море, там для казачки он имел всё, что нужно женщине, чтобы ей весело жилось: сладкую пищу, и разные ткани, и золото, и камни всех цветов, музыку, и редких птиц из далёких стран, и огненные ласки влюблённого. В этой башне он забавлялся с ней целые дни, отдыхая от трудов своей жизни и зная, что сын Алгалла не уронит славы ханства, рыскающая волком по русским степям и всегда возвращаясь оттуда с богатой добычей, с новыми женщинами, с новой славой, оставляя там, сзади себя, ужас и пепел, трупы и кровь.

Раз возвратился он, Алгалла, с набега на русских, и было устроено много праздников в честь его, все мурзы острова собрались на них, были игры и пир, стреляли из луков в глаза пленников, пробуя силу руки, и снова пили, славя храбрость Алгаллы, грозы врагов, опоры ханства. А старый хан был рад славе сына. Хорошо было старику знать, что, когда он умрёт, – ханство будет в крепких руках.

Хорошо было ему это, и вот он, желая показать сыну силу любви своей, сказал ему при всех мурзах и беках, – тут, на пиру, с чашей в руке, сказал:

– Добрый ты сын, Алгалла! Слава аллаху, и да будет прославлено имя пророка его!

И все прославили имя пророка хором могучих голосов. Тогда хан сказал:

– Велик аллах! Ещё при жизни моей он воскресил мою юность в храбром сыне моём, и вот вижу я старыми глазами, что, когда скроется от них солнце – и когда черви источат мне сердце, – жив буду я в сыне моём! Велик аллах и Магомет, пророк его! Хороший сын у меня есть, тверда его рука и ясен ум... Что хочешь ты взять из рук отца твоего, Алгалла? Скажи, и я дам тебе всё по твоему желанию...

И не замер ещё голос хана-старика, как поднялся Толайк Алгалла и сказал, сверкнув глазами, чёрными, как море ночью, и горящими, как очи горного орла:

– Дай мне русскую полонянку, повелитель-отец.

Помолчал хан – мало помолчал, столько времени, сколько надо, чтобы подавить дрожь в сердце, – и, помолчав, твёрдо и громко сказал:

Хан и его сын. Максим Горький gorkiyamaxim.ru

– Бери! Кончим пир, – ты возьмёшь её.

Вспыхнул удалой Алгалла, великой радостью сверкнули орлиные очи, встал он во весь рост и сказал отцу-хану:

– Знаю я, чт’о ты мне даришь, повелитель-отец! Знаю это я... Раб я твой – твой сын.

Возьми мою кровь по капле в час – двадцатью смертями я умру за тебя!

– Не надо мне ничего! – сказал хан, и поникла на грудь его седая голова, увенчанная славой долгих лет многих подвигов.

Скоро они кончили пир, и оба молча, рядом друг другом пошли из дворца в гарем.

Ночь была тёмная, ни звёзд, ни луны не было видно из-за туч, густым ковром покрывших небо.

Долго шли во тьме отец и сын, и вот заговорил хан эль Асваб:

– Гаснет день ото дня жизнь моя – и всё слабее бьётся моё старое сердце, всё меньше огня в груди. Светом и теплом моей жизни были знойные ласки казачки... Скажи мне, Толайк, скажи, неужели она так нужна тебе? Возьми сто, возьми всех моих жён за одну её!..

Молчал Толайк Алгалла, вздыхая.

– Сколько дней мне осталось? Мало дней у меня на земле... Последняя радость жизни моей – эта русская девушка. Она знает меня, она любит меня, – кто теперь, когда её не будет, полюбит меня, старика, – кто? Ни одна из всех, ни одна, Алгалла!..

Молчал Алгалла...

– Как я буду жить, зная, что ты обнимаешь её, что тебя целует она? Перед женщиной нет ни отца, ни сына, Толайк! Перед женщиной все мы – мужчины, мой сын... Больно будет мне доживать мои дни... Пусть бы все старые раны открылись на теле моём, Толайк, и точили бы кровь мою, пусть бы я лучше не пережил этой ночи, мой сын!

Молчал его сын... Остановились они у двери гарема и, опустив на груди головы, стояли долго перед ней. Тьма была кругом, и облака бежали в небе, а ветер, потрясая деревья, точно пел, шумел деревьями...

– Давно я люблю её, отец... – тихо сказал Алгалла.

– Знаю... И знаю, что она не любит тебя... – сказал хан.

– Рвётся сердце моё, когда я думаю про неё.

– А моё старое сердце чем полно теперь?

И снова замолчали. Вдохнул Алгалла.

– Видно, правду сказал мне мудрец-мулла – мужчине женщина всегда вредна: когда она хороша, она возбуждает у других желание обладать ею, а мужа своего предаёт мукам ревности; когда она дурна, муж её, завидуя другим, страдает от зависти; а если она не хороша и не дурна, – мужчина делает её прекрасной и, поняв, что он ошибся, вновь страдает через неё, эту женщину...

– Мудрость не лекарство от боли сердца, – сказал хан.

– Пожалеем друг друга, отец...

Поднял голову хан и грустно поглядел на сына.

– Убьём её, – сказал Толайк.

– Ты любишь себя больше, чем её и меня, – подумав, тихо молвил хан.

– Ведь и ты тоже.

И опять они помолчали.

– Да! И я тоже, – грустно сказал хан. От горя он сделался ребёнком.

– Что же, – убьём?

– Не могу я отдать её тебе, не могу, – сказал хан.

– И я не могу больше терпеть – вырви у меня сердце или дай мне её...

Хан молчал.

– Бросим её в море с горы.

– Бросим её в море с горы, – повторил хан слова сына, как эхо сынова голоса.

И тогда они вошли в гарем, где она уже спала на полу, на пышном ковре. Остановились они пред ней, смотрели; долго смотрели на неё. У старого хана слёзы текли из глаз на его серебряную бороду и сверкали в ней, как жемчужины, а сын его стоял, сверкая очами, и, скрежетом зубов своих сдерживая страсть, разбудил казачку. Проснулась она – и на лице её, нежном и розовом, как заря, расцвели её глаза, как васильки. Не заметила она Алгаллу и протянула алые губы хану.

– Поцелуй меня, орёл!

– Собирайся... пойдёшь с нами, – тихо сказал хан.

Тут она увидела Алгаллу и слёзы на очах своего орла и – умная она была – поняла всё.

– Иду, – сказала она. – Иду. Ни тому, ни другому – так решили? Так и должны решать сильные сердцем. Иду.

И молча они, все трое, пошли к морю. Узкими тропинками шли, ветер шумел, гулко шумел...

Нежная она была девушка, скоро устала, но и горда была – не хотела сказать им этого.

И, когда сын хана заметил, что она отстаёт от них, – сказал он ей:

– Боишься?

Она блеснула глазами на него и показала ему окровавленную ногу...

– Дай понесу тебя! – сказал Алгалла, протягивая к ней руки. Но она обняла шею своего старого орла. Поднял хан её на свои руки, как перо, и понёс; она же, сидя на его руках, отклоняла ветви от его лица, боясь, что они попадут ему в глаз. Долго они шли, и вот уже слышен гул моря вдали. Тут Толайк, – он шёл сзади их по тропинке, – сказал отцу:

– Пусти меня вперёд, а то я хочу ударить тебя кинжалом в шею.

– Пройди, – аллах возместит тебе твоё желание или простит, – его воля, – я же, отец твой, прощаю тебе. Я знаю, что значит любить.

И вот оно, море, пред ними, там, внизу, густое, чёрное и без берегов. Глухо поют его волны у самого низа скалы, и темно там, внизу, и холодно, и страшно.

– Прощай! – сказал хан, целуя девушку.

– Прощай! – сказал Алгалла и поклонился ей.

Она заглянула туда, где пели волны, и отшатнулась назад, прижав руки к груди.

Хан и его сын. Максим Горький gorkiymaxim.ru

– Бросьте меня, – сказала она им...

Простёр к ней руки Алгалла и застонал, а хан взял её в руки свои, прижал к груди крепко, поцеловал и, подняв её над своей головой, – бросил вниз со скалы.

Там плескались и пели волны и было так шумно, что оба они не слышали, когда она долетела до воды. Ни крика не слышали, ничего. Хан опустил на камни и молча стал смотреть вниз, во тьму и даль, где море смешалось с облаками, откуда шумно плыли глухие всплески волн, и ветер пролетал, развевая седую бороду хана. Толайк стоял над ним, закрыв лицо руками, – камень, неподвижный и молчаливый. Время шло, по небу одно за другим плыли облака, гонимые ветром. Темны и тяжелы они были, как думы старого хана, лежавшего над морем на высокой скале.

– Пойдём, отец, – сказал Толайк.

– Подожди... – шепнул хан, точно слушая что-то. И опять прошло много времени, плескались волны внизу, а ветер налетал на скалу, шумя деревьями.

– Пойдём, отец...

– Подожди ещё...

Не один раз говорил Толайк Алгалла:

– Пойдём, отец.

Хан всё не шёл от места, где потерял радость своих последних дней.

Но – всё имеет конец! – встал он, могучий и гордый, встал, нахмурил брови и глухо сказал:

– Идём...

Пошли они, но скоро остановился хан.

– А зачем я иду и куда, Толайк? – спросил он сына. – Зачем мне жить теперь, когда вся моя жизнь в ней была? Стар я, не полюбят уж меня больше, а если никто тебя не любит – неразумно жить на свете.

– Слава и богатство есть у тебя, отец...

– Дай мне один её поцелуй и возьми всё это себе в награду. Это всё мёртвое – одна любовь женщины жива. Нет такой любви – нет жизни у человека, нищ он, и жалки дни его. Прощай, мой сын, благословение аллаха над твоей головой да пребудет во все дни и ночи жизни твоей. – И повернулся хан лицом к морю.

– Отец, – сказал Толайк, – отец!.. – и не мог больше сказать ничего, так как ничего нельзя сказать человеку, которому улыбается смерть, ничего не скажешь ему такого, что возвратило бы в душу его любовь к жизни.

– Пусти меня...

– Аллах...

– Он знает...

Быстрыми шагами подошёл хан к обрыву и кинулся вниз. Не остановил его сын, не успел. И опять ничего не было слышно – ни крика, ни шума падения хана. Только волны всё плескали там, да ветер гудел дикие песни.

Долго смотрел вниз Толайк Алгалла и потом вслух сказал:

– И мне такое же твёрдое сердце дай, о аллах!

И потом он пошёл во тьму ночи...

...Так погиб хан Мосолайма эль Асваб, и стал в Крыму хан Толайк Алгалла...»

Хан и его сын. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!